

Жизнь Арсеньева

XV.

Въ ту же ночь я уѣхалъ въ Петербургъ. Выйдя изъ костела, пошелъ назадъ, на вокзалъ, къ поѣзду въ Полоцкъ: въ Орлѣ почему-то думалъ больше всего о Полоцкѣ, хотѣлъ поселиться тамъ въ какой-то воображаемой старой гостиницѣ, пожить зачѣмъ-то нѣкоторое время въ полномъ одиночествѣ. Поѣздъ на Полоцкъ отходилъ поздно. На вокзалѣ было пусто и темно. Буфетъ освѣщала только сонная лампа на стойкѣ, въ стѣнныхъ часахъ постукивало съ такими оттяжками, точно само время было на исходѣ. Я цѣлую вѣчность сидѣлъ одинъ, въ мертвой тишинѣ. Когда наконецъ откуда-то запахло самоваромъ и вокзалъ сталъ оживать, освѣщаться, я поспѣшно, самъ не понимая, что дѣлаю, взялъ билетъ въ Петербургъ.

Въ Полоцкѣ шелъ зимній дождь, улицы были мокры, ничтожны. Я только заглянулъ въ него, между поѣздами, и радъ былъ своему разочарованію. Въ дальнѣйшемъ пути записалъ: «Безконечный день. Безконечныя снѣжныя и лѣсныя пространства. За окнами все время вялая блѣдность неба и снѣговъ. Поѣздъ то вступаетъ въ дѣсь, темнящій его вершинами и тѣснотой стволловъ, то опять выходитъ на блѣдный просторъ снѣжныхъ равнинъ; по далекому горизонту которыхъ, надъ тушью лѣсовъ, грядой виситъ въ низкомъ небѣ что-то тускло-свинцовое. Станціи все деревянныя... Сѣверъ, сѣверь!»

Петербургъ мнѣ показался уже крайнимъ сѣверомъ. Извозчикъ ичалъ меня въ сумрачной вьюгѣ по удивитель-

нымъ своимъ просторомъ, стройностью, высотой и одинаковостью улицамъ къ Лиговкѣ, къ Николаевскому вокзалу. Былъ всего третій часъ, но круглые часы на казенной громадѣ вокзала уже свѣтились сквозь выюгу. Я остановился въ двухъ шагахъ отъ него, въ той сторонѣ Лиговки, что идетъ вдоль канала. Тутъ было ужасно, — дровяные склады, извозчичьи постои, чайныя, трактиры, портерныя. Въ номсрахъ, что посовѣтоваль мнѣ извозчикъ, я долго сидѣлъ, не раздвѣаясь, глядя съ высоты шестого этажа въ безконечно-грустное окно, въ предвечернюю снѣжную муть, весь плавя отъ усталости, вагонной качки... Петербургъ! Я чувствовалъ это необыкновенно: я въ немъ, весь окруженъ его темнымъ и сложнымъ, зловѣщимъ величїемъ...

Огромная, людная, старая Москва встрѣтила меня блескомъ солнечной оттепели, по деревенски тающихъ сугробовъ, навозныхъ ручьевъ и лужъ, громомъ и звономъ конокъ, шумной безтолочью идущихъ и ѣдущихъ, необыкновеннымъ количествомъ тяжело нагруженныхъ товарами ломовыхъ розвальней, грязной тѣснотой улицъ, восточнымъ излишествомъ торговли, лубочной картинностью кремлевскихъ стѣнъ, палатъ, дворцовъ, скученно сіяющихъ среди нихъ золотыхъ маковокъ. Въ Москвѣ я пробылъ тоже всего нѣсколько часовъ, заглянулъ только въ Кремль да поѣлъ въ знаменитомъ трактирѣ Егорова въ Охотномъ ряду. Тамъ было чудесно: внизу довольно грязно, тѣсно отъ торговаго простонародья, зато наверху, въ двухъ невысокихъ зальцахъ, чисто, тихо, пристойно, — даже курить не дозволялось, — и очень уютно отъ солнца, глядѣвшаго въ теплыя маленькія окна откуда-то съ надворья, отъ заливавшей въ клѣткѣ канарейки; въ углу мерцала бѣлымъ огонькомъ лампада, на одной стѣнѣ, занимая всю ея верхнюю половину, блестя смуглыми лакомъ темная картина: чешуйчатая, кверху загнутая крыша, длинная терраса и на ней несоответственно большія фигуры пьющихъ чай китайцевъ, желтолицыхъ, въ золо-

тѣхъ халатахъ, въ зеленыхъ колпакахъ, какъ на дешевыхъ лампахъ.

Въ нашемъ городѣ уже вѣдрили на колесахъ, на станціи бушевалъ пьяный азовскій вѣтеръ. Она меня ждала на платформѣ, уже сухой, легкой. Вѣтеръ трепалъ ея весеннюю шляпку, не давалъ смотрѣть. Я увидаль ее издали, — она растерянно, морщась отъ вѣтра, искала меня по ядущимъ вагонамъ глазами. Въ ней было все то безконечно-жалкое, что всегда такъ поражаетъ насъ въ близкомъ человѣкѣ послѣ разлуки съ нимъ. Она похудѣла, одѣта была скромно. Когда я выскочилъ изъ вагона, она хотѣла поднять съ губъ вуальку — и не могла, неловко поцѣловала меня черезъ нее, поблѣднѣвъ до мертвенности.

На извозчикѣ она молча клонила голову отъ порывовъ вѣтра, — только нѣсколько разъ повторила съ горькимъ и сухимъ сожалѣніемъ:

— Что ты со мной дѣлалъ, что ты со мной дѣлалъ!

Потомъ сказала, все такъ-же серьезно:

— Ты въ Дворянскую? Я поѣду съ тобой.

Войдя въ номеръ, — онъ былъ во второмъ этажѣ, большой, съ прихожей, — она сѣла на диванъ, глядя, какъ коридорный глупо ставитъ мой чемоданъ на коверъ посреди комнаты. Поставивъ, онъ спросилъ, не будетъ ли какихъ приказаній.

— Ничего не надо, — сказала она за меня. — Идите...

И стала снимать шляпку.

— Что-же ты все молчишь, ничего не скажешь мнѣ? — безразлично сказала она, сдерживая дрожавшія губы.

Я заперъ дверь на ключъ, ледяными руками опустил на окнахъ шторы, — вѣтеръ качалъ за ними черно-весеннее дерево, на которомъ кричалъ и мотался грачъ...

— Отецъ проситъ объ одвомъ, — тихо сказала она потомъ, лежа въ оцѣпенѣніи отдыха: — подождать вѣнчаться хотя бы полгода...

Необожженные свѣчи стояли на подзеркальникѣ; матово бѣлѣли неподвижно висящія шторы, разными странными фигурами глядѣло съ мѣлового потолка какое-то лѣпное украшеніе.

XVI.

Мы уѣхали въ тотъ малорусскій городъ, куда пересѣлился изъ Харькова братъ Георгій, оба на работу по земской статистикѣ, которой онъ тамъ завѣдывалъ. Мы провели Страстную и Пасху въ Батуринь. Мать и сестра уже души не чаяли въ ней, отецъ любовно говорилъ ей ты, давалъ по утрамъ цѣловать свою руку, — только братъ Николай былъ сдержанъ, вѣжливо любезенъ. Она была какъ-то тихо и растерянно счастлива — новизной своей причастности къ моей семьѣ, къ дому, къ усадьбѣ, къ моимъ комнатамъ, гдѣ протекала вся моя ранняя юность, казавшаяся ей теперь прекрасной, трогательной, къ моимъ книгамъ, которыя она тамъ разсматривала съ несмѣлой радостью... Потомъ мы уѣхали.

Ночь до Орла, въ пять часовъ пересадка на Курскъ.

Въ солнечное утро, въ поѣздѣ на Курскъ, мы стоимъ въ коридорѣ вагона возлѣ жаркаго окна.

— Какъ странно, я никогда не была нигдѣ, кромѣ Орла и Липецка! — говоритъ она. — Сейчасъ Курскъ? Это для меня уже югъ.

— Да. И для меня.

— Мы будемъ въ Курскѣ завтракать? Знаешь, я еще никогда въ жизни не завтракала на вокзалѣ...

Чѣмъ дальше, тѣмъ все теплѣй, радостнѣй. На откосѣ вдоль шпалъ густая трава, цвѣты, бѣлыя бабочки, въ бачкахъ уже лѣто.

— Жарко будетъ тамъ лѣтомъ! — съ улыбкой говоритъ она.

— Братъ пишетъ, городъ весь въ садахъ.

— Да, Малороссія. Вотъ ужъ никогда не думала... Смотри, смотри, какіе громадныя тополи! И ужъ совсѣмъ зеленые! Зачѣмъ столько мельницъ?

— Вѣтряковъ, а не мельницъ. Но пойдемъ въ купе — съ той стороны будутъ сейчасъ видны мѣловыя горы, потомъ Бѣлгородъ.

— Я теперь понимаю тебя, я бы тоже никогда не могла жить на сѣверѣ, безъ этого обилія свѣта!

Я опускаю окно. Тепло дуетъ солнечный вѣтеръ, паровозный дымъ южно пахнетъ каменнымъ углемъ. Она прикрываетъ глаза, солнце горячими полосами ходитъ по ея лицу, по играющимъ волѣмъ лба темнымъ волосамъ, по простенькому ситцевому платью, ослѣпительно озаряя и нагрѣвая его.

Въ долинахъ подъ Бѣлгородомъ милая скромность празднично-цвѣтушихъ вишневыхъ садовъ, мѣломъ бѣлѣющихъ хатъ. На вокзалѣ въ Бѣлгородѣ ласковая скороговорка хохлушекъ. продающихъ бублики.

Она покупаетъ и торгуется, довольная своей хозяйственностью, употребленіемъ малорусскихъ словъ.

Вечеромъ, въ Харьковѣ, мы опять мѣняемъ дорогу.

На разсвѣтѣ уже подъѣзжаемъ.

Она крѣпко спитъ. Я все у окна. Свѣчи въ вагонѣ догораютъ, въ степи еще ночь, темный сумракъ, но за нимъ далекій, низко и сокровенно зеленѣющій востокъ. Какъ не похожа на нашу земля, — эта нагая, безграничная гладь съ тугими сѣро-зелеными курганами! Мелькнулъ спящій, глухой полустанокъ, — ни куста, ни деревца волѣмъ него, и самъ онъ — каменный, голый, бѣло-синеватый въ этомъ тайномъ рожденіи зари... Какъ одиноки тутъ станціи! Какъ открыты знойному степному простору лѣтомъ! И кажется, что ничего не можетъ быть поѣтичнѣй жизни какого-нибудь начальника такой станціи...

Уже и въ вагонѣ брезжитъ день. Сумракъ внизу, по полу, но надъ нимъ уже полусвѣтъ. Она, во снѣ, спрята-

ла голову въ подушку, поджала ноги. Я осторожно прикрываю ея плечо и скать бедра старинной шелковой шалью, подаренной ей моею матерью.

XVII.

Станція была отъ города далеко, въ широкой доли-нѣ. Вокзалъ — небольшой, пріятный: дикій виноградъ по столбамъ навѣса, южныя закуски въ буфетѣ, прівѣтливые лакеи, ласковые носильщики, благосклонные извозчики на козлахъ домовитыхъ тарантасовъ, запряженныхъ парой. Въ городъ ѣхали дружной рысью, по рѣчнымъ лугамъ.

Городъ, весь въ густыхъ садахъ, съ гетманскимъ соборомъ на обрывѣ горы-мыса, глядѣлъ на востокъ и на югъ. Въ восточной долинѣ отдѣльно стоялъ крутой холмъ съ древнимъ монастыремъ на вершинѣ, дальше было зелено и пусто, долина переходила въ степные скаты. Въ южной, за рѣкой, за ея веселыми лугами, взглядъ терялся въ солнечномъ блескѣ.

Въ городѣ многія улицы казались тѣсны отъ садовъ и тополей, рядами тянувшихся вдоль дощатыхъ «пѣшеходовъ», на которыхъ часто можно было встрѣтить гордо-грудастую дѣвку въ обтянутой плахтѣ, съ тяжелымъ водоносомъ на сильномъ плечѣ. Топоди были необыкновенны своей высотой и мощностью, первое время восхищали насъ больше всего: стоялъ май, много было грозъ и ливней, и какъ блестяще зеленѣли они крѣпкой желтоватой листвою, какъ свѣжо, смолисто благоухали! — Весна тутъ была всегда яркая, сильная, лѣто знойное, однообразно-прекрасное, осень ясная, долгая, зима мягкая, съ влажными вѣтрами; санные извозчики ѣздили зимой съ бубенчиками, съ ихъ прелестнымъ глухимъ бормотаніемъ.

Крупный, загорѣлый, съ кругло стриженной сѣдой головой старикъ Кованько, у котораго мы поселились въ

одной изъ такихъ улицъ, имѣлъ цѣлое помѣстье: дворъ, флигель, домъ и садъ за домомъ. Самъ онъ занималъ флигель, а домъ, бѣленный мѣломъ и тѣнистый отъ сада сзади и большой стеклянной галлерей по фасаду, сдавалъ намъ. Онъ гдѣ-то служилъ, но рано возвращался, сытно обѣдалъ, отдыхалъ, а потомъ, полураздѣтый, сидѣлъ подъ раскрытымъ окномъ и все пѣлъ, покуривая «люльку»: «Ой, на горі та женці жнуть...»

Комнаты въ домѣ были невысокія, простыя; какой-то древній сундукъ подъ суровымъ рядомъ съ цвѣтной мережкой стоялъ въ прихожей. Служила намъ молоденькая казачка, въ красотѣ которой было что-то ногайское.

Братъ сталъ еще милѣй и добрѣй. Надежды мои оправдались — между нимъ и ею вскорѣ установилась родственная и дружеская близость, большая любовь; во всѣхъ моихъ размолвкахъ съ ней или съ нимъ они всегда были на сторонѣ другъ друга.

Кругъ нашихъ сослуживцевъ и знакомыхъ (врачей, адвокатовъ, земцевъ) былъ подобенъ харьковскому кругу брата, — я вошелъ въ него уже привычно, легко, съ удовольствіемъ встрѣтилъ въ немъ Леонтовича и Вагина, тоже переселившихся изъ Харькова. Отъ харьковскаго этого кругъ отличался только тѣмъ, что состоялъ изъ людей болѣе умѣренныхъ, жившихъ почти совсѣмъ подстать городу, его миргородскому благополучію, дружелюбно встрѣчавшихся не только съ людьми изъ всякаго другого городского общества, но даже съ полицмейстеромъ.

Въ Харьковѣ у насъ было нѣсколько домовъ, хозяева которыхъ были вполнѣ наши, но гдѣ былъ и обывательскій недостатокъ, гдѣ можно было пріятно посидѣть въ столовой и въ гостиной, послушать музыку, поговорить не только о князѣ Мещерскомъ, о земскихъ начальникахъ; то же оказалось и тутъ. Чаще всего мы собирались въ домѣ одного изъ членовъ управы: онъ былъ владѣлецъ пяти тысячъ десятинъ земли и отары въ десять тысячъ головъ, домъ держалъ — для семьи — богатый, свѣтскій, самъ-

же, маленькій, скромный, бѣдно одѣтый, побывавшій въ свое время въ Якуткѣ, казался въ немъ милымъ и жалкимъ гостемъ.

XVIII

Во дворѣ былъ старый каменный колодецъ, передъ флигелемъ росли двѣ бѣлыя акаціи, возлѣ крыльца дома, затѣняя правую сторону стеклянной галлерей, поднималась темная вершина каштана. Все это лѣтнимъ утромъ было часамъ къ семи уже горячо, ярко, солнечно-однообразно оглашалось вопросительно-растерянными восклицаніями изъ курятника, но въ домѣ, особенно въ заднихъ комнатахъ, выходившихъ окнами въ садъ, было еще прохладно, въ спальнѣ, гдѣ она плескалась, стоя въ однѣхъ маленькихъ татарскихъ туфляхъ, съ зябко напрягшейся грудью, свѣжо пахло водой и туалетнымъ мыломъ; она, смѣясь, повертывалась мокрымъ лицомъ, съ намыленной сзади подъ волосами шеей, и топала каблучкомъ: «Уходи вонъ!» Потомъ, изъ той комнаты, гдѣ окна выходили на галлерей, пахло завареннымъ чаемъ, — тамъ ходила и стучала подкованными башмаками казачка; она обувалась на босу ногу, и ея голыя щиколки, тонкія, какъ у породистой кобылки, восточно блестяли изъ-подъ юбки; блестяла и круглая шейка въ темно-янтарномъ ожерельи, черная головка была жива, чутка, такъ и сверкала раскосыми глазами, задъ вилялся при каждомъ движеніи.

Братъ выходилъ къ чаю съ папирсой въ рукѣ, съ улыбкой и повадками отца; онъ не былъ похожъ на него, — небольшой, полнѣющій, онъ былъ слегка похожъ на молодого Герцена, — но что-то отъ его барственныхъ манеръ въ немъ уже сказывалось; онъ сталъ хорошо одѣваться, какъ-то свѣтски-вольно клалъ, садясь, нога на ногу и такъ-же держалъ папиросу; всѣ когда-то были убѣждены въ его блестящей будущности, онъ и самъ былъ въ ней убѣжденъ, — теперь вполнѣ довольствовался той

ролью, которую игралъ въ этомъ малорусскомъ захолустьи, и къ чаю выходилъ съ игрой въ глазахъ: онъ чувствовалъ себя полнымъ силъ, здоровья, мы составляли его семью, очень ему милую, идти вмѣстѣ съ нами на службу, состоявшую, какъ и въ Харьковѣ, наполовину изъ куренья и разговоровъ, было для него ежедневнымъ удовольствіемъ. Когда быстро выходила наконецъ и она, уже со всѣмъ готовая, одѣтая съ лѣтней веселостью, онъ весь сіялъ, цѣлуя ея руку.

Мы шли вдоль дивныхъ тополей, маслянисто блестящихъ подъ солнцемъ, по горячимъ доскамъ пѣшеходовъ, подъ жаркими стѣнами домовъ и нагрѣтыми садами; ея раскрытый зонтикъ выпукло круглится свѣтлымъ, шелкомъ въ густой синевѣ; держа его на плечѣ правой рукой, она лѣвой придерживала сбоку подолъ платья. Потомъ мы переходили знойную, сухую площадь, входили въ желтое зданіе управы. Тамъ внизу пахло сапогами сторожей и всѣмъ тѣмъ, что всегда было свойственно русскимъ общественнымъ мѣстамъ въ провинціи. По лѣстницѣ во второй этажъ озабоченно ходили съ бумагами въ рукахъ, по хохлацки гнули головы всякіе письмоводители и дѣлопроизводители въ черныхъ люстриновыхъ пиджачкахъ, плѣмя хитрое и многоопытное при всей своей видимой простоватости. Мы проходили подъ лѣстницу въ глубину перваго этажа, въ комнаты нашего отдѣленія, низкія, полныя табачнаго дыма, очень однако привѣтливья отъ тѣхъ оживленныхъ, интеллигентски-неряшливыхъ лицъ, что наполняли ихъ, и отъ того, что было за окнами: большой пустырь, заросшій дерездой, за обрывами котораго съ южной, мягкой роскошью синѣли солнечные рѣчные луга... Странно было первое время видѣть ее въ этихъ комнатахъ, за искапаннымъ чернилами столомъ, за всякими опросными листами, которые она вкладывала въ конверты и старательно надписывала для разсылки по уѣздамъ.

Въ полдень сторожа подавали намъ чай въ дешевыхъ

стаканахъ, дешевыя блюдечки съ ломтиками лимона и казенность всего этого доставляла мнѣ первое время какую-то странную пріятность. Тогда къ намъ сходились поболтать, покурить всѣ наши друзья изъ другихъ отдѣлений. Приходилъ Сулима, секретарь управы. Это былъ красивый, нѣсколько сутулый человекъ въ дорогихъ золотыхъ очкахъ, съ великолѣпной бархатно-блестящей черной волосъ и бороды; у него была мягкая, вкрадчивая поступь, вкрадчивая улыбка и такая-же манера говорить; онъ улыбался постоянно и постоянно игралъ этой своей мягкостью, изяществомъ: былъ большой эстетъ, монастырь, что стоялъ на холмѣ въ долинѣ, называлъ застывшимъ аккордомъ, выписывалъ новинки французской поэзіи и прозы, переводилъ Бодлера. Онъ приходилъ нерѣдко и поглядывалъ на нее все блаженный и таинственный; подходя къ ея столу, низко наклонялся къ ея рукамъ, приподнималъ очки и сладостно, тихо улыбался: «А теперь что вы разсылаете?» Она отъ этого вся подтягивалась и старалась отвѣтить какъ можно любезнѣе, но и какъ можно проще. Я однако былъ вполне спокоенъ, я теперь ни къ кому ее не ревновалъ. Мы бывали у него въ гостяхъ, — тогда онъ все заставлялъ ее разучивать «Крейцерову Сонату» и стоялъ возлѣ рояля, торжественно закрывъ глаза, откинувъ голову, отбивая тактъ ногой, и жена его, умная, спокойная женщина, посматривала на него, тихо усмѣхалась.

На службѣ я почти ничего не дѣлалъ, — невольно занялъ и тутъ, какъ въ редакціи орловскаго «Голоса», какое-то особое положеніе. Я уже сталъ слагаться тогда въ того бодрого, общительнаго и расточительно-веселаго человека, какимъ почти всегда былъ вполнѣ послѣдствіемъ на людяхъ. Я вызывалъ у большинства сослуживцевъ расположеніе, на меня, какъ на работника, смотрѣли ласково-насмѣшливо. Я сидѣлъ и не спѣша подсчитывалъ, составлялъ сводки, сколько въ такой-то волости такого-то уѣзда засѣяно табаку, свежловицы, какія предпринимались тамъ мѣры «по

борьбѣ съ жучками и кобылками, вредящими этой свекловицѣ, иногда просто читалъ что-нибудь, не обращая вниманія на разговоры и занятія вокругъ. Меня радовало, что у меня есть свой столъ и то, что я могъ въ любви количествѣ требовать изъ канцеляріи новенькія перья, карандаши, отличную писчую бумагу.

Въ два часа служба кончалась; братъ, улыбаясь, поднимался — «до дому, громада!» — всѣ оживленно разбирали лѣтніе картузы и шляпы, толпой выходили на рѣзко свѣтлую площадь, трясли другъ другу руки и, блестя чесушей и палками, расходились.

Въ этотъ часъ было жарче всего. И это была одна изъ самыхъ большихъ моихъ радостей, — этотъ густой, неподвижный жаръ, бѣлый солнечный блескъ, восхитительный своимъ южнымъ отличіемъ, своей бѣлизной отъ желтаго блеска русскихъ жаркихъ дней: во мнѣ тогда съ особенной напряженностью стали развиваться тѣ природенныя мнѣ пристрастія, которыя такъ владѣли мной всю жизнь впоследствии: ко всему свѣтоносному, яркому, сильному, полному. Когда мы входили въ нашъ дворъ, особенность запаха нашей теперешней кухни охватывала меня восторгомъ: сколько въ ней было Малороссіи! Этотъ восторгъ всю жизнь сопровождалъ меня впоследствии во всѣхъ моихъ скитаніяхъ по всякимъ странамъ земли — какъ пріобщался я къ каждой изъ нихъ черезъ, особенно, всего того, что она ѣла и пила!

Каждый нашъ обѣдъ былъ для меня праздникомъ.

XIX.

Часовъ до пяти въ городѣ было пусто, сады лежались подь солнцемъ. Братъ спалъ, мы лежали, стараясь что-нибудь читать. Солнце, обходя домъ, уже блистало въ окна спальни, заглядывало въ нихъ изъ сада, садъ отражался своей свѣтлозеленой листвою въ зеркалъ надъ умываль-

никомъ все чудеснѣй. Въ этомъ городѣ учился Гоголь, весь окрестный край былъ его, — Миргородъ, Яновщина, Шишаки, Яреськи, — мы часто, смѣясь, вспоминали: «Какъ упокителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи!»

— Все-таки жарко! — говорила она, весело вздыхая и ложась навзничь. — И сколько у насъ мухъ! А какъ это дальше, про огороды?

— «Изумруды, топазы, яхонты эфирныхъ насѣкомыхъ сыплются надъ пестрыми огородами...»

— Это какъ-то волшебно хорошо. Я ужасно хотѣла бы побывать въ Миргородѣ. Непремѣнно надо какъ-нибудь поѣхать. Правда? Пожалуйста, какъ-нибудь поѣдемъ! Только какой онъ былъ странный, непріятный въ жизни. Никогда ни въ кого не былъ влюбленъ, даже въ молодости...

— Да, за всю молодость единственный бессмысленный поступокъ — поѣздка въ Любекъ.

— Вродѣ твоей въ Петербургъ... Отчего ты такъ любишь ѣздить?

-- А отчего ты любишь получать письма?

— Отъ кого-жъ я ихъ теперь получаю!

— Все равно любишь. Люди постоянно ждутъ чего-нибудь счастливаго, интереснаго, мечтаютъ о какой-нибудь радости, о какомъ-нибудь событіи. Этимъ влечетъ и дорога. Потому воля, просторъ, новизна, которая всегда празднична, повышаетъ чувство жизни, а вѣдь мы всё только этого и хотимъ, ищемъ во всякомъ сильномъ чувствѣ.

— Да, да, это правда.

— Ты говоришь — Петербургъ. Если бы ты знала, какой это ужасъ и какъ я тамъ сразу и навѣки понялъ, что я человекъ до глубины души южный. Гоголь писалъ изъ Италіи: «Петербургъ, снѣга, подмелы, департаментъ — все это мнѣ снилось: я проснулся опять на родинѣ.» Вотъ и я такъ же проснулся тутъ. Не могу спокойно слышать словъ:

Чигиринъ, Черкасы, Хороль, Лубны, Чертомлыкъ, Дикое Поле, не могу безъ волненія видѣть очеретяныхъ крышъ, стриженныхъ мужицкихъ головъ, бабъ въ желтыхъ и красныхъ сапогахъ, даже лыковыхъ кошелокъ, въ которыхъ онѣ носятъ на коромыслахъ вишни и сливы. «Чайка скиглеть, литаючи, мовъ за дитьми плаче, солнце гріе, витьеръ віе на степу козачемъ...» Это Шевченко, — совершенно гениальный поэтъ! Прекраснѣ Малороссіи нѣтъ страны въ мірѣ. И главное то, что у нея теперь уже нѣтъ исторіи, историческая жизнь давно и навсегда кончена. Есть только прошлое, пѣсни и легенды о немъ, какая-то вѣременность... Это меня восхищаетъ больше всего.

— Ты это часто говоришь — восхищаетъ, восхищеніе.

— Жизнь и должна быть восхищеніемъ...

Солнце склонялось, густо лилось въ открытыя окна по крашеному полу, зеркальный отблескъ игралъ на потолкѣ. Подоконники горѣли все ярче, на нихъ радостными кучками кипѣли мухи. Мухи кусали наши голыя ноги, ея прохладныя плечи. На подоконникъ вдругъ сѣлся воробей, зорко и бойко оглядывался и, вспорхнувъ, опять исчезъ въ свѣтлой зелени сада, уже прозрачно сквозившей на предвечернемъ солнцѣ.

— Ну, скажи еще что-нибудь, — говорила она. — Скажи, а въ Крымъ мы когда-нибудь поѣдемъ? Если-бы ты зналъ, какъ я мечтаю! Ты бь могъ написать какую-нибудь повѣсть, — мнѣ кажется, ты написалъ бы замѣчательно, — и вотъ у насъ были бы деньги, мы бы взяли отпускъ... Отчего ты бросилъ писать? Ты какой-то мотъ, расточитель своихъ способностей!

— Были такіе козаки, которые назывались «бродники», — отъ слова бродить. Вотъ, вѣрно, и я бродникъ. Лучше всего у Гоголя его записная книжка: «Степная чайка съ хохломъ въ видѣ скобки поднимается съ дороги...» «Рубежъ во всю дорогу, зеленый, съ растущими на немъ бодяками, и ничего за нимъ, кромѣ безграничной равнины...» «Подсолнечники надъ плетнями и рвами, и соломен-

ный навѣсъ чисто вымазанной хаты, и миловидное, краснымъ ободкомъ окруженное окошко... Ты, древній корень Руси, гдѣ сердечнѣй чувство и нѣжнѣй славянская приroda!»

Она внимательно слушала. Потомъ вдругъ спрашивала:

— А скажи, зачѣмъ ты прочелъ мнѣ это мѣсто изъ Гете? Вотъ, какъ онъ уѣзжалъ изъ Фредерики и вдругъ мысленно увидалъ какого-то всадника, ѣхавшаго куда-то въ сѣромъ камзолѣ, обшитомъ золотыми галунами. Какъ это тамъ сказано?

— «Этотъ всадникъ былъ я самъ. На мнѣ былъ сѣрый камзолъ, обшитый золотыми галунами, какого я никогда не носилъ.»

— Ну да, и это какъ-то чудесно и страшно. И потомъ ты сказалъ, что у всякаго въ молодости есть въ мечтахъ свой желанный камзолъ... Почему онъ ее бросилъ?

— Онъ говорилъ, что имъ всегда руководилъ его «демонъ».

— Да, и ты меня скоро разлюбишь. Ну скажи откровенно, о чемъ ты больше всего мечтаешь?

— О чемъ я мечтаю? Быть какимъ-нибудь древнимъ крымскимъ ханомъ, жить съ тобой въ Бахчисарайскомъ дворцѣ... Бахчисарай весь въ каменистомъ, страшно жаркомъ ущельѣ, а во дворцѣ вѣчная тѣнь, прохлада, фонтаны, за окнами шелковичныя деревья...

— Нѣтъ, серьезно?

— Я серьезно. Я вѣдь всегда живу какимъ-то страшнымъ вздоромъ. Вотъ хоть эта степная чайка, это соединеніе въ ней степи и моря... Братъ Николай, бывало, смѣясь, говорилъ мнѣ, что я отъ природы дурачекъ, и я очень страдалъ, пока однажды случайно не прочелъ, что самъ Декартъ говорилъ, что въ его душевной жизни ясныя и разумныя мысли занимали всегда самое ничтожное мѣсто.

— И что-жъ, во дворцѣ гаремъ? Я это тоже серьезно. Ты же самъ доказывалъ мнѣ, — помнишь, — что въ мужской любви много смѣшенія разныхъ любовныхъ чувствъ,

что ты это испытывалъ къ Никулиной, потомъ къ Надѣ... Ты вѣдь иногда очень безжалостно откровененъ со мной! Ты что-то въ этомъ родѣ недавно говорилъ даже про нашу казачку.

— Я говорилъ только то, что, когда я смотрю на нее, я ужасно хочу куда-то въ солончаковыя степи, жить въ кибиткѣ.

— Ну да, а все-таки она тебѣ нравится. Самъ же говоришь, что тебѣ хочется жить съ ней въ кибиткѣ.

— Я не сказалъ, что съ ней.

— А съ кѣмъ-же? — Ой, опять воробей! Ужасно боюсь, когда они залетаютъ и бьются по зеркалу!

И, вскочивъ, она быстро и неловко хлопала въ ладоши. Я хваталъ и цѣловалъ ея голыя плечи, ноги... Разность горячихъ и прохладныхъ мѣстъ ея тѣла потрясала больше всего.

XX.

Къ вечеру зной спадалъ. Солнце стояло за домомъ, мы пили чай въ стеклянной галлерей, возлѣ открытыхъ во дворѣ оконъ. Она теперь много читала и въ эти часы все о чемъ-нибудь спрашивала брата, а онъ съ удовольствіемъ наставлялъ ее. Вечеръ былъ безконечно тихъ, неподвиженъ, — однѣ ласточки мелькали во дворѣ и, взвиваясь, тонули въ глубокомъ небѣ. Они говорили, а я слушалъ: «Ой, на горѣ та женці жнуть...» Пѣсня рассказывала, что на горѣ жнуть хлѣборобы, текла ровно, долго, грустью разлуки, потомъ крѣпла и звучала твердо — волей, далью, отвагой, воинскимъ ладомъ:

А по-під горою
 По-під високою
 Козаки йдуть!

Она протяжно и грустно любовалась, какъ течетъ по долиня казачье войско, какъ ведетъ его славный Дорошенко, ѣдетъ впереди всѣхъ. А за нимъ, говорила она, за нимъ Сагайдачный, —

Що проміняв жінку
 На тютюн та люльку,
 Необачний...

Она медлила, дивилась столь странному челоуку. Но вслѣдъ за тѣмъ была въ литавры съ особенно радостной волей:

Мені з жінкою
 Н' возиться !
 А тютюн та люлька
 Козаку в дорозі
 Знадобиться!

Я слушалъ, пѣвуче умиляясь, грустно и сладко чему-то завидуя.

На закатѣ мы гуляли, шли иногда въ городъ, иногда въ скверъ на обрывѣ за соборомъ, иногда за городъ, въ поле. Въ городѣ было нѣсколько мощеныхъ улицъ со всякой еврейской торговлей, съ непонятнымъ количествомъ часовыхъ, аптекарскихъ и табачныхъ магазиновъ; эти улицы были каменны, бѣлы, дышали тепломъ послѣ дневного жара, на ихъ перекресткахъ стояли кіоски, гдѣ прохожіе пили разноцвѣтныя сиропы съ шипучей водой, и все это говорило о югѣ и тянуло куда-то еще дальше на югъ, — помню; я часто думалъ тогда почему-то о Керчи. Глядя отъ собора въ долину, я мысленно ѣхалъ въ Кременчугъ,

въ Николаевъ. Въ поле, за городъ мы шли западнымъ предмѣстьемъ, совсѣмъ деревенскимъ. Его хаты, вишневые сады и баштаны выходили въ равнину, на прямую, какъ стрѣла, миргородскую дорогу. Въ далекой дали дороги, вдоль телеграфныхъ столбовъ, медленно тянулась хохлацкая телѣга, влекомая двумя качающимися въ ярмѣ, клонящими головы волами; она тянулася и исчезала, какъ въ морѣ, вмѣстѣ съ этими столбами, — послѣдніе столбы уже чуть маячили въ равнинѣ, были какъ палочки малы. Это была дорога на Яновщину, Яреськи, Шишаки...

Вечеръ мы нерѣдко проводили въ городскомъ саду. Тамъ играла музыка, освѣщенная терраса ресторана издали выдѣлялась среди темноты какъ театральная сцена. Братъ шелъ прямо въ ресторанъ, мы иногда уходили въ ту сторону сада, гдѣ онъ кончался тоже обрывомъ. Ночь была густо темна, тепла. Въ темнотѣ внизу кое-гдѣ стояли огоньки и церковно, стройно подымались и замирали пѣсни — это пѣли «паничи» предмѣстій. Пѣсни сливались съ темнотою и тишиною. Гремя, бѣжали тамъ свѣтящимися звеньями поѣздъ, — тогда особенно чувствовалось, какъ глубока и черна долина, — и постепенно смолкалъ, погасалъ, точно уходилъ подъ землю. И опять были слышны пѣсни, и весь кругъ горизонта за долиною дрожалъ немолчною дрожью жабъ, ворожившей эту тишину и темноту, повергавшей ее въ оцѣпенѣніе, которому, казалось, не будетъ конца.

Когда мы всходили на людную террасу ресторана, она, послѣ темноты, пріятно стѣсняла, слѣпила. Братъ, уже хмельной и умиленный, тотчасъ махалъ намъ изъ за стола, гдѣ съ нимъ сидѣли Вагинъ, Леонтовичъ, Сулима. Насъ шумно усаживали, послѣшно стучали, требовали еще блага вина, бокаловъ и льду. Отъ стола Башкирова, брата своей знаменитой сестры, огромнаго, съ римской головой, съ упрямымъ бычьимъ профилемъ, поднимался и большими шагами, съ раскрытымъ ртомъ, съ

радостно-безмысленной улыбкой, шель всѣмъ извѣстный своей добротой, глупостью и франтовствомъ князь Мишель, похожій на окуня: онъ не шель, а скорѣе плыль и прямо на нее, не спуская съ нея глазъ, и потомъ, съ свѣтской свободой и наивностью, долго держаль ее руку въ своей, чему-то хохоча, что-то говоря, самъ не зная что, не слушая даже самого себя. Музыка уже не играла, садъ за террасой былъ черенъ, пусть, откуда-то доходило порой дуновение до свѣчей въ стеклянныхъ колпачкахъ, осыпаемыхъ ночными насѣкомыми, но всѣ говорили, что время еще дѣтское. Наконецъ соглашались: пора. И все-таки не сразу разставались — шли домой ватагой, громко говоря, стуча по лѣшеходамъ. Сады спали, таинственно чернѣли, тепло освѣщаясь низкимъ свѣтомъ поздней луны. Когда мы, уже одни, входили въ свой дворъ, луна выше глядѣла въ него, блестя въ стеклахъ галлерей. Какъ на хуторѣ трюкаль сверчокъ; каждый листикъ акаціи возлѣ флигеля, каждая вѣточка ея съ удивительной четкостью и изяществомъ рисовали свою неподвижную тѣнь на его бѣлой стѣнѣ.

Всего милѣй были минуты передъ сномъ. Скромно горѣла свѣча на ночномъ столикѣ. Счастьемъ свѣжести, молодости, здоровья входила прохлада въ спокойныя и вольныя, открытыя, окна. Сидя въ халатикѣ на краю постели, она темными глазами смотрѣла на свѣчу и заплетала мягко блестящую косу.

— Вотъ ты все удивляешься, какъ я измѣнилась, — говорила она. — А если бы ты зналъ, какъ измѣнился ты. Только ты сталъ какъ-то все меньше замѣчать меня! Особенно, когда мы не одни. Я боюсь, что я для тебя становлюсь, какъ воздухъ: жить безъ него нельзя, а его не замѣчаешь... Развѣ не правда? — Ты говоришь, что это-то и есть самая большая любовь. А мнѣ кажется, что это значить, что тебѣ теперь одной меня мало.

— Мало, мало, — отвѣчалъ я, смѣясь. — Мнѣ теперь всего мало.

— Я и говорю: тебя куда-то тянетъ. Георгій Александровичъ уже говорилъ мнѣ, что ты просишься въ командировки съ разѣздными статистиками. Зачѣмъ? Трястись по жарѣ и въ пыли на бричкѣ, потомъ сидѣть въ жаркомъ волостномъ правленіи и безъ конца опрашивать хохловъ вотъ по тѣмъ самымъ бланкамъ, что я разсылаю...

Она поднимала глаза, кинувъ косу за плечо:

— Что тебя тянетъ?

— Только то, что я счастливъ, что мнѣ, дѣйствительно, теперь какъ будто всего мало.

Она брала мою руку:

— Правда?

XXI.

Въ первый разъ я поѣхалъ именно туда, куда ей такъ хотѣлось поѣхать со мной, — по миргородской дорогѣ. Меня взялъ съ собой Вагинъ, посланный зачѣмъ-то въ Шишаки.

Помню, какъ мы съ ней боялись проспять назначенное время, — выѣхать нужно было до жары, пораньше, — какъ она ласково меня разбудила, сама вставши до солнца, уже приготовивъ мнѣ чай, подавляя въ себѣ грусть, что я ѣду одинъ. Помню, что было сѣро и прохладно, и она все поглядывала въ окна: неужели дождь испортитъ мнѣ поѣздку? — и до сихъ поръ чувствую то нѣжное и тревожное волненіе, съ которымъ мы вскочили, заслышавъ у воротъ почтовый колокольчикъ, порывисто простились и выбѣжали за калитку, къ перекладной телѣжкѣ, на которой въ длинномъ парусиновомъ балахонѣ и въ лѣтнемъ сѣромъ картузѣ сидѣлъ Вагинъ. Потомъ глохъ колокольчикъ въ огромномъ воздушномъ пространствѣ, разгулявшійся день былъ сухъ, жарокъ, ровно бѣжала телѣжка въ глубокой дорожной пыли, и все вокругъ было такъ однообразно, что вскорѣ уже не стало силы глядѣть въ даль сонно-свѣтлаго горизонта и

напряженно ждать отъ него чего-то. Въ полдень прошло мимо насъ въ этой горячей пустынѣ нѣчто совсѣмъ кочевое: безконечныя овчарни Кочубея. «Полдень, овчарни, записаль я среди толчковъ телѣжки. Сѣрое отъ зноя небо, ястреба и сивоворонки... Я совершенно счастливъ!» Въ Яновщинѣ записаль о корчмѣ: «Яновщина, старая корчма, ея черная внутренность и прохладная полутьма; еврей сказалъ, что пива у него нѣту, «есть только налитокъ». — «Какой напитокъ?» — «Но напитокъ! Напитокъ Фіалка». Еврей — тощій, въ лапсердакѣ, но «напитокъ» вынесъ изъ задней комнаты гимназистъ, необыкновенно полный подростокъ, высоко подпоясанный новенькимъ ремнемъ по свѣтло-сѣрой курткѣ, очень красивый какъ-то по-персидски: его сынъ». Вослѣ Шишака я тотчасъ вспомнилъ гоголевскую записную книжку: «И вдругъ яръ среди ровной дороги — обрывъ въ глубину и внизъ; и въ глубинѣ лѣса, и за лѣсами — лѣса, за близкими, зелеными — отдаленные, синіе, за ними полоса песковъ серебряно-соломеннаго цвѣта... Надъ стремниной и кручей махала крыльями скрипучая вѣтряная мельница...» Подъ этимъ обрывомъ дукой выгнбался Пселъ и зеленѣло садами большое село. Мы долго искали въ немъ какого-то Василенко, къ которому и было у Вагина дѣло, а найдя, не застали дома и долго сидѣли подъ липой возле его хаты, окруженные сыростью луговой верболозы и кваканьемъ лягушекъ. Тутъ-же мы просидѣли съ Василенко и весь вечеръ, ужинали, пили наливку, и лампа освѣщала снизу зелень листьевъ, межъ тѣмъ какъ кругомъ замыкалась непроницаемая тьма лѣтней ночи. Потомъ въ этой тѣмѣ вдругъ стукнула калитка и возле стола нарядно появилась до свицовой блѣдности набѣленная дѣвица, пріятельница Василенко, мѣстная земская фельдшерница: тотчасъ, конечно, узнала, что у него какіе-то губернскіе гости. Первую минуту она отъ смущенія не знала, что съ собой дѣлать, говорила, что попало, потомъ стала пить съ нами рюмка въ рюмку и все больше вскрикивать на вся-

кія мои остроты. Она была ужасно нервна, широкоскула, остро черноглаза, у нея были грубыя, жилистыя руки, крѣпко пахнуція шипромъ, и костлявыя ключицы, но подъ легонькой голубой кофточкой лежали тяжелыя груди, станъ былъ тонокъ, а бедра широки. Ночью я пошелъ ее провожать. Мы шли въ черной темнотѣ, по засохшимъ колеямъ какого-то переулка. Гдѣ-то возлѣ плетня она остановилась, уронила мнѣ на грудь голову. Я едва совладѣлъ съ собой:

Домой мы пріѣхали на другой день поздно. Она уже лежала въ постели, читала, увидавъ меня, вскочила въ радости и удивленьи — «какъ, уже пріѣхаль?» Когда я, поспѣшно рассказывая всю свою поѣздку, сталъ со смѣхомъ рассказывать про фельдшерицу, она перебила:

— Зачѣмъ ты рассказываешь мнѣ это?

И глаза у нея наполнились слезами:

— Какъ ты жестокъ со мною! — сказала она, торопливо ища подъ подушкой платочекъ. — Мало того, что ты бросаешь меня одну...

Сколько разъ въ жизни вспоминалъ я эти слезы! Вотъ вспоминаю, какъ вспомнилъ однажды лѣтъ черезъ двадцать послѣ той ночи. Это было на приморской бессарабской дачѣ. Я пришелъ съ купанья и легъ въ кабинетъ. Былъ жаркій и вѣтренный полдень: сильный, шелковистогорячій, то затихающій, то буйно растущій шумъ сада во кругъ дома, тѣнь и блескъ въ деревьяхъ, мотаніе туда и сюда мягко гнущихся вѣтвей... Когда вѣтеръ, густо шумя, росъ, приближался, онъ вдругъ раскрывалъ всю эту древесную зелень, окружавшую окна тѣнистаго кабинета, показывалъ въ ней знойно-эмалевое небо, и тотчасъ раскрывалась и тѣнь на бѣломъ потолкѣ — потолокъ, свѣтлѣя, становился фіолетовымъ. Потомъ опять затихало, вѣтеръ, убѣгая, терялся гдѣ-то вдали сада, надъ обрывомъ къ побережью. Я глядѣлъ на все это, слушалъ и вдругъ подумалъ: гдѣ-то, двадцать лѣтъ тому назадъ, въ томъ давно мною забытомъ малорусскомъ за-

холустья, гдѣ мы съ ней только что начинали нашу общую жизнь, которой, казалось, не будетъ конца, а вышло всего два съ половиной года, тоже былъ подобный полдень; я проснулся поздно, окна въ садъ тоже были открыты и за ними вотъ такъ-же шумѣло, качалось, пестро блестяло, а по комнатѣ вольно ходилъ тотъ счастливѣйшій вѣтеръ, что сулитъ близкій завтракъ, доносить запахъ жареной рыбы; я, открывши глаза, вздохнулъ этимъ вѣтромъ и, облокотившись на свою подушку, сталъ глядѣть на другую, лежавшую рядомъ, въ которой еще оставался чуть слышный фиалковый запахъ ея темныхъ прекрасныхъ волосъ и платочка, который она, помирившись со мной, еще долго держала въ рукѣ; и, вспомнивъ все это, вспомнивъ, что съ тѣхъ поръ я прожилъ безъ нея полжизни, видѣлъ весь мiръ и вотъ все еще живу и вижу, межъ тѣмъ какъ ея въ этомъ мiрѣ нѣтъ уже цѣлую вѣчность, я, съ похолодѣвшей головою, сбросилъ ноги съ дивана, вышелъ и точно по воздуху пошелъ по аллеѣ уквусныхъ деревьевъ къ обрыву, глядя въ ея пролетъ на купоросно зеленый кусокъ моря, страшный и дивный, первоначально новый...

Въ ту ночь я поклялся ей, что больше никуда не поѣду. Черезъ нѣсколько дней опять уѣхалъ.

Ив. Бунинъ.